

АНАТОЛИЙ АБРАШКИН

АРИЙСКИЕ КОРНИ РУСИ

4-е
издание

Предки русских в Древнем мире

Анатолий Александрович Абрашкин

Арийские корни Руси. Предки

русских в Древнем мире

Серия «Запрещенная Русь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7387660

*Арийские корни Руси. Предки русских в Древнем мире / Анатолий
Абрашкин.: Яуза-пресс; Москва ; 2015
ISBN 978-5-699-82774-9*

Аннотация

Эта книга перевернет все ваши представления о прошлом. Это – радикальный пересмотр места и роли русской нации в историческом процессе. Это – подлинная предыстория Руси. Автор возводит этноним «русы» («росы») к имени исполнителей религиозных гимнов в арийской традиции, прослеживая происхождение русского народа с момента выделения ариев из среды индоевропейских племен в V–IV тысячелетиях до н. э. и вписывая древнерусскую историю в контекст общемирового развития, начиная с эпохи Шумера и Древнего Египта. В книге подробно рассмотрены родословные русских богов (Бабы-Яги, Ярилы, Коляды, Ивана, Марьи и др.) и мифологические параллели, обозначавшие маршруты расселения ариев, а также многие спорные вопросы образования Русского государства,

предыстории Киевской и Азовской Руси, хазарской проблемы и пресловутой «норманнской теории».

Содержание

От автора	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	29
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анатолий Абрашкин

Арийские корни

Руси. Предки русских

в Древнем мире

*О России петь – что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...
О России петь – что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...
О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным
быть.*

И. Северянин. Запевка

От автора

Название данной книги требует некоторых пояснений. Поскольку в центре рассмотрения будет история языческой (или дохристианской) Руси, то понятие «Древний мир» в нашем исследовании имеет более широкое, нежели принятое, толкование и вмещает в себя время до X века включительно.

Другое важное уточнение касается использования в названии книги прозвища «русские». Этноним «росы» («русы») мы возводим к имени исполнителей религиозных гимнов у древних ариев (понятие «rsi» в Ведах). Согласно нашей концепции, русские – это потомки ариев, следующие их духовным заветам, и начинать изложение древнерусской истории следует с момента выделения ариев из среды других индоевропейских народов приблизительно в V–IV тыс. до н. э. Сколько-нибудь полная история ариев еще не написана, а относительно их самих известно весьма ограниченное число фактов. Так, считается общепризнанным, что арийская общность сформировалась где-то на просторах Русской равнины, а впоследствии ряд арийских племен мигрировал в Северную Месопотамию, Индию и Иран. Но все ли арии покинули землю своей прародины, и ограничились ли пути их миграций только этими тремя «направлениями»? Поиску ответов на эти и связанные с ними вопросы, собственно, и посвящена предлагаемая книга.

В первой ее части рассматриваются родословные исконно русских богов и указываются земли и народы, среди которых укоренились эти божества. Найденные мифологические

параллели «пунктиром» обозначают маршруты следования древних русов (ариев), и ведут они, как оказывается, не только на юг и юго-восток, но и на запад – в Европу, и на юго-запад – в страны Средиземноморья. Во второй части книги существование такого рода миграций подтверждается на основании анализа исторических источников. И, наконец, в последней, третьей части подробно изучена предыстория образования Киевской Руси – как потомки некогда покинувших свою прародину ариев возвращались в родные «пенаты». Автор впервые предпринята попытка рассмотреть историю русов как отдельной и от славян, и от других индоевропейцев «семьи» племен. Такой взгляд позволяет, во-первых, встроить древнерусскую историю в рамки общемирового исторического процесса, начиная со времени существования цивилизаций Египта и Шумера, а во-вторых, по-новому осветить спорные вопросы образования Русского государства (в частности, норманнскую проблему и вопрос об Азовской Руси).

Часть I

Дорогами русских богов

Моему сыну Дмитрию

Глава 1

О метаистории, русском духе и перевозчике Кие

А слово корабль, заметьте, произвожу я от короба, а короб от коробить, а коробить от горбить, а горб от горы; какие-то подкидьшин-этимологи производят корабль от какого-то греческого слова, которого я не знаю, да и знать не хочу, но это напраслина, это ложь, это клевета, выдуманная каким-нибудь продавцом грецких орехов...

А.А. Бестужев-Марлинский

Первые, признаваемые за достоверные, исторические сообщения о росах (русах) принадлежат писателям раннего Средневековья. Готский историк VI в. Иордан засвидетельствовал, что уже в середине IV в. в Причерноморье жили росомоны. В готской среде слово «росомоны» (вариант «ро-

соманы») означало «люди рос». Современный Иордану сирийский автор указал на существование «народа рос» северо-западнее Азовского моря, в районе Среднего Поднепровья. Именно в эту область согласно «Повести временных лет» в VI–VII вв. переселилось со своей дунайской прародины славянское племя полян. Вместе с обитавшими здесь росами они составили ядро будущего государства и стали впоследствии прозываться русью.

Авторы VI–X вв. и наши летописцы не смешивали росов и славян. Если волна переселений с берегов Дуная была чисто славянской, то следующая, накатившая в IX веке с берегов Балтики, была уже по преимуществу русской. Варяги-русь, или балтийские русы, не только осваивали новые земли и не только выполняли, если верить легенде, волю призвавших их племен. Они объединились с потомками причерноморских росомонов, своими кровными братьями. Но как, когда и где раскололся некогда единый этнос?

Русы Средневековья предстают сильным и хорошо организованным народом. Византийские писатели упоминают об их неоднократных нападениях на Константинополь, в жестоком противостоянии росы одолевают Хазарский каганат. Арабы знают их как смелых и предприимчивых торговцев, а славянские и угро-финские племена – как последовательных строителей многонационального государства. Опыт таких народов копится не веками, а тысячелетиями. Очевидно, упоминания о прямых предках русских встречаются и в

сочинениях античных авторов, и в мифах других народов, но выведены они там под другими именами.

Григорий Климов в автобиографической книге «Песнь победителя» написал: «В оккупированной Германии все как один русские солдаты и офицеры неожиданно стали употреблять слово «Россия». Это получилось автоматически. Иногда мы по привычке говорили – СССР, затем поправляемся – Россия. Нам это самым странно, но это факт». И факт впечатляющий. Нашим воинам чудесным образом открылось, что название их Отечества должно звучать так же, как много веков назад, что СССР – лишь искусственно составленная аббревиатура, а слово «Россия» включает в себе какую-то незримую силу. Можно представить, как удивились бы они, если бы кто-нибудь стал всерьез доказывать им, будто имя их державы заимствовано, например, у скандинавов. Нет, корни нашего родового имени, безусловно, русские, только, чтобы отыскать и указать их, надо действительно заглянуть и в отдаленные земли, и в далекие времена.

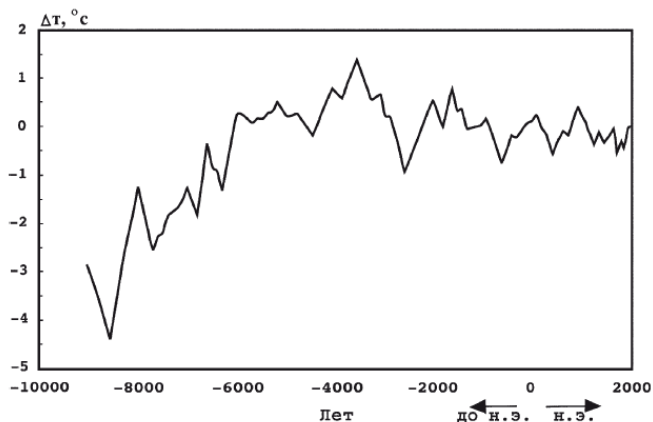
О древности русского народа писали многие авторы, начиная с летописца Нестора. Наш знаменитый историк Василий Никитич Татищев (1686–1750), ссылаясь на древних авторов, сообщал, что ранее русские и славяне жили в Сирии и Финикии, где по соседству могли свободно иметь еврейское, египетское или халдейское письмо. Перейдя оттуда, они обитали в Пафлагонии (область в Малой Азии на южном берегу Черного моря), а во время, приблизительно соответ-

ствующее Троянской войне, переправились в Европу. Другой наш выдающийся соотечественник – Александр Дмитриевич Чертков (1789–1853), уникально образованный человек, знаток древних языков, обладатель одного из самых дорогих в России собраний книжных, рукописных и нумизматических редкостей, в цикле своих работ указал на языковое и этнокультурное сродство между славяноруссами и древними народами Средиземноморья – пеласгами (первопоселенцами в Греции), фракийцами (Фракия – область на юго-востоке Балканского полуострова) и проживавшими в I тыс. до н. э. на территории Италии этрусками. Однако открытие ученого-романтика, которого с полным основанием можно сравнить с Генрихом Шлиманом, не стало событием в отечественной и мировой историографии. Историки-профессионалы не могут даже допустить мысли об участии предков русов и славян в событиях античных времен. Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) по этому поводу писал: «Познания человека увеличились, книжная мудрость распространилась, с ними возросла самоуверенность ученых. Они начали презирать мысли, предания, догадки невежд; они стали верить безусловно своим догадкам, своим мыслям, своим знаниям. В бесконечном множестве подробностей пропало всякое единство... Многоученость Александрии и Византии затемнила историю древнюю, а книжничество германское наводнило мир ложными системами. В наше время факты собираются со тщанием и добросовестностью, систе-

мы падают от прикосновения анализа. Но верить существованию антиподов или отвергать древность книг ветхозаветных, верить рассказам о Франке и Брите или тому, что все десятки миллионов славян вышли из одного уголка Придунайской земли, – равно смешно».

Можно только было посочувствовать академику Рыбакову и его современным последователям, которые пытаются «втиснуть» древних росов в границы одной ограниченной области, будь то берега реки Рось или ареал славянской прародины. Указанные пределы для русского народа неизменно оказываются маловаты. И мы здесь совсем не уникальны. Точно такие же трудности возникают при изучении всякого народа, который пережил длительные (во времени и в пространстве) миграции. Современная историческая наука пока еще не выработала по-настоящему плодотворных методов анализа глобальных перемещений племен. К примеру, не будь текстов «Вед», ученые ни за что не признали бы, что арии пришли в Индию из южнорусских степей: слишком невероятным кажется такой переход, и нашлись бы тысячи отговорок в пользу местного саморазвития индийцев! Проблема миграции древних племен станет в будущем отдельной областью исторических исследований. Писатель В.И. Щербаков даже придумал ей название – метаистория, именно ей суждено открыть подлинную картину взаимодействия различных культур и народов. Русские и славяне являются частью индоевропейской исторической общности. Ее

составляют народы, говорящие на языках индоевропейской группы. Некогда семья индоевропейских племен была единой. О конкретном месте их прародине ученые до сих пор спорят, но уверенно можно сказать, что располагалась она на территории Европы.

Аномалии среднегодовой температуры Северного полушария за последние 11 000 лет (в отклонениях от нормы 1951–1980 гг.)

На рисунке приведен график изменения среднегодовой температуры Северного полушария за последние 11 000 лет (в отклонениях от нормы 1951–1980 гг.). Из него видно, что в середине IX тыс. до н. э. среднегодовая температура упала до наинизшей отметки. В следующие 4,5 тысячи лет она в

среднем повышалась, но в период с IV до середины III тыс. до н. э. среднегодовая температура снова скакнула на 3 градуса вниз. Итак, в рассматриваемое время существовало два периода значительного похолодания в Северном полушарии. Они удивительным образом совпадают по времени с оживлением жизни в южной части планеты. В первом случае, как убедительно доказал в серии фундаментальных работ археолог В.А. Сафронов, ранние праиндоевропейцы уже в VIII–VII тыс. до н. э. не только обосновались в Малой Азии (поселение Чатал-Гюк на полуострове Анатолия), но также проникли на Ближний Восток (культурный слой Иерихона Б, стоянка Бейда на юге Иордании). Вторая мощная волна переселения индоевропейцев совпала по времени с возникновением древнейших цивилизаций в Египте, Шумере и чуть позже – в Индии. Это конечно же не случайно. Индоевропейцы принимали участие в их создании!

Но как в огромном массиве индоевропейских племен разглядеть следы древних росов? Каковы наши отличительные признаки? Эту тему в свое время обстоятельно обсуждали русские писатели и философы. А.С. Хомяков особо обращал внимание на то, что русский народ относится к земледельческим, а не завоевательным народам. Народы завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют всегда чувство личной гордости и презрение не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому. Таковы монголы, кельты, турки. Победители, они угнетают поработенных и

не смешиваются с ними; побежденные, они упорно противятся влиянию победителей и хранят в душе инстинкты, за рожденные в них веками старинной славы.

Народы земледельческие, в противовес им, ближе к общечеловеческим началам. На них не действовало гордое волшебство победы; они не видали у ног своих поверженных врагов, обращенных в рабство законом меча, и не привыкли себя считать выше своих братьев, других людей. От этого они восприимчивее ко всему чужому. Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но все человеческое находит в них созвучие и сочувствие.

Германец во всех странах света сохраняет иллюзию своего благородного происхождения и живет между иноземцами в гордом одиночестве. Ни один англичанин не знает наречий кельтических, а ведь в Англии (с Шотландией и Ирландией) кельты составляют едва ли не половину населения. Американцы в Соединенных Штатах и испанцы в своих южных владениях никогда не говорили языком краснокожих. Магьяр и немец венгерский также старались не пользоваться языком своих угнетенных народов, словаков, и даже уравновешенный толстяк болот Голландии неизменно смотрел в своих колониях на туземцев, как на племя, созданное Богом для служения и рабства, как на человекообразного скота, а не человека. Для русских и славян такая гордость непонятна. Словак почти всегда говорит свободно по-венгерски и по-немецки. Русский смотрит на все народы, проживающие

в пределах своего северного царства, как на братьев своих. Сибиряки во время вечерних бесед часто употребляли язык своих кочевых соседей, якутов и бурят, лихой казак Кавказа брал жену из аула чеченского, крестьянин женился на татарке или мордовке. Русские называют своею славою и радостью правнука негра Ганнибала, тогда как свободолюбивые проповедники равенства в Америке отказали бы ему в праве гражданства и даже женитьбы на белолицей дочери прачки немецкой или английского мясника.

Нашим западным соседям смирение наше кажется унижением, многие из наших соотечественников желали бы видеть в нас начала аристократические и родовую гордость германскую, надеясь найти в них защиту от влияния иноземного и будущее развитие гражданской свободы (на манер американский или, в крайнем случае, европейский). Но чуждая стихия не срастается с русским духовным складом. Мы были и всегда будем истинными демократами между прочих семей Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на вольную жизнь и самобытное развитие. В нас невозможно вселить то чувство, тот лад и строй души, из которого развиваются аристократизм, родовое высокомерие и презрение к людям и народам. Это невозможно, этого не будет.

Но самая способность сочувствовать всем видам человеческого развития, принимать впечатления внешние и сжигаться с жизнью иноплеменников лишает земледельца упор-

ного характера личности, неизменно сохраняющей свои первоначальные черты. Борьба их против стихии менее уступчивой и менее гибкой кончается почти всегда уступкою врожденных коренных стихий. Тот, кто охотно говорит на языке чужом, легко забывает свой собственный язык. Тот, кто принял язык чужой, принял в себя волшебную силу чужой мысли, воплотившейся в звуки: но отдал душу свою под вечную опеку; он заковал ее в невидимую, но нерасторгаемую цепь; он схоронил всю свою старую жизнь, нравственную, умственную и бытовую. Из этого можно сделать вывод о нелепости системы, заставляющей теперешних русских и славян возникнуть из перерождения германца, финна или шведа.

Стоит напомнить, что весь северо-восток Германии до Эльбы был славянский на памяти человеческой, что германское завоевание не могло быть и, как известно, не было истреблением народа, но порабощением его; а между тем где же следы славянства? Их почти нет. Все народонаселение переродилось, и теперь отрицалось бы бывшее славянство всего края, если бы память о его покорении не была так свежа. А этот край – целая треть Германии, и даже более. Между тем финн, татарин и немец на земле Русской хранят свой быт, свою физиономию и свой язык. Вот ясные и согласные с нашей теорией факты.

Поэтому смешно и нелепо будет говорить о переливе чужого племени в славянскую форму. И когда исследователь

найдет следы славянства в именах урочищ, рек, городов и прочем в странах, не представляющих других славянских примет, он не позволит себе пустого вопроса: «Как могли они переродиться?» Они переродились потому, что таков их характер плебейский, труженический, чисто человеческий, готовый ко всякому развитию, способный воспринять всякую форму, но не охваченный еще резкою чертою личности неизменной.

Из того, что народ земледельческий легко принимает весь образ своих завоевателей и уступает им отличительные черты собственного быта, не должно думать, однако, чтобы дух народный погибал без следа.

Во всяком случае, в отношении русского народа это, несомненно, так. У каждого народа есть та «изюминка», которая выделяет его и служит как бы «визитной карточкой» нации. Сложились даже устойчивые выражения – «английский джентльмен», «немецкий порядок», «ирландское упрямство» и т. д. Что касается нас, то иностранцы не устают удивляться загадочной русской душе. Вот тайна для них за семью печатями: их поражает и открытость русских, их доверчивость и простодушие, и способность жертвовать своими кровными интересами. О последнем следует сказать особо.

Русскому человеку не свойственен национализм. Он решительно не хочет объединяться по принципу кровного родства. Ни одна русская партия не имела и не имеет сколь-

ко-нибудь весомого политического влияния. С момента создания Русского государства русские по отношению ко всем другим народам выступали в качестве старшего брата. Они всегда брали на себя выполнение самых тяжелых задач. Национализму, успешно процветавшему у братьев-славян (особенно на окраинах империи), балтов, татар и других народов, русские противопоставили свою особенную национальную идею, которая, с легкой руки Ф.М. Достоевского, стала называться русской. Как прямая противоположность племенному эгоизму, русская идея предполагает любовь и сочувствие ко всем народам земли. В своей знаменитой Пушкинской речи Достоевский прекрасно определил ее как «всемирную отзывчивость русского человека». Все самые крутые перемены в русском общественном сознании за последние пять веков – реформа Никона, петровские преобразования, большевистская революция и «демократический» переворот – были актами национального самоотречения. В каждой из этих перестроек национально ориентированные силы терпели сокрушительное поражение. Но победа чужеродных идей была предопределена, в том числе и заложенным в русских стремлением вжиться в новую, неведомую для них традицию. «Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства и братского стремления к воссоединению людей» (Ф.М. Достоевский). И то, что на пути к этому русские неминуемо жертвуют своими национальными интересами, уже никого не должно удивлять. Это не проявление

слабости. Такова наша историческая миссия, таков путь русской идеи.

Обо всем этом Хомяков горячо и страстно написал (ранее Достоевского) в своей прекрасной книге «Семирамида», некоторые положения которой мы воспроизвели чуть выше. Эту книгу по праву следует признать «азбукой» метаистории. Хомяков попытался взглянуть на историю человечества с единых позиций, вплести судьбы отдельно взятых цивилизаций в общий процесс развития общества и, наконец, выделить в этом многонациональном мире движение отдельных племен и народов. Путь русских и славян он предложил угадывать, скорее, сердцем, чем разумом. Наш путь – это привнесение в душу каждого иноплеменника духа любви ко всем людям на земле. Русских всегда можно отличить по тому, что они сплывают вокруг себя другие народы, наш удел – строительство империй, где каждое племя имеет равные права и возможности с русскими. Мы – идеалисты, равных которым нет в мире, мы – не от мира сего, мы все еще грезим и мечтаем об утраченном «золотом веке» человечества, когда оно жило счастливо единой семьей, и не было ни войн, ни раздоров. Отсюда и сказки о нежданно свалившемся богатстве, и маниловские «прожекты», и обломовское мирозерцание. Русские бессознательно хранят в себе память о времени былого единства всех людей (а не только его индоевропейской «составляющей») – вот наше коренное отличие от других народов. Но, признавая этот факт, можем

ли мы объяснить, где истоки «нашей всемирности»? Откуда есть пошла русская идея?

Обычно для объяснения такой исключительности русских указывают, следуя славянофильской традиции, на особое влияние православия. Но такую точку зрения едва ли можно серьезно обосновать. В самом деле, почему явление всемирной отзывчивости не наблюдается у других православных народов? Или еще одна неразрешимая в свете этой версии загадка: неужели наш народный дух переменялся с принятием христианства? Правильней утверждать как раз обратное: древнерусская языческая стихия так повлияла на новую религию, что она усвоила и приняла каноны русской жизни, а значит, и истоки формирования нашего самосознания следует искать в истории дохристианской Руси.

Религия – наиболее яркое воплощение души народной. Боги народа – отражение его мирозерцания и отношения к жизни. К примеру, у германцев верховный бог Один представлялся в виде воина, у русских же высшим божеством служил Род – символ плодородия и любви. Разве не выражают они основополагающую линию в характерах двух великих народов? «Впрочем, лицо мифическое не всегда представляет собою характер того народа, которого воображением оно создано. Переходя в другой мифологический мир, оно к прежнему своему значению присоединяет еще новый характер, зависящий от народа-изобретателя и народа, принявшего чуждое божество. Когда племя шло на брань со знаменами

с изображением своего невидимого покровителя, уstraшенный неприятель принимал в свой Олимп грозное божество и старался не только умили­стивить, но и переманить его на свою сторону» (Хомяков А.С. Семирамида). Интереснейший момент – по судьбе богов можно следить за борьбой и перемещениями народов. Принятие чуждого бога в свой пантеон – процесс вынужденный. Он обозначает факт присутствия на данной территории народа-завоевателя. Таким образом, распространение культа того или иного бога совпадает с направлением миграции поклоняющегося ему народа. Вот наугад выбранный пример.

В «Повести временных лет» имеется неясное для комментаторов упоминание о том, что первопредок киевлян Кий был перевозчиком на Днепре. Летописцу это предание тоже невдомек, поэтому он пишет: «Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, как говорят». Странная выходит ситуация: о первом князе, основателе города и династии, сохранилось всего два обрывочных воспоминания, и потому каждое из них должно нести какую-то очень важную информацию. Но заслуживающим внимания, на первый взгляд, кажется только упоминание о походе на Царьград. Сам по себе это факт огромной важности, он указывает, что Русь изначальная соперничала с Византией. Легенда же о перевозчике выглядит каким-то недоразумением, противоречием здравому смыслу. Но неужели наши предки были на-

столько легкомысленны, чтобы в течение нескольких веков из уст в уста передавать совершенно бессмысленную информацию? Удивительно, что ни один историк не задумался над этим. А разгадка этой легенды, прямо скажем, необычная.

В шумеро-аккадской мифологии Ки – один из верховных богов. Шумерцы называли его Эн-ки – Божественный Ки, а аккадцы – Хайа (Эйа). Ки – хозяин Мирового океана пресных вод, а также поверхностных земных вод. Этому богу чрезвычайно подходит роль хозяина реки (в просторечье перевозчика). Но это лишь одна из его функций. Он также бог мудрости и защитник людей, бог плодородия, носитель культуры и создатель мировых ценностей. Ки сотворил людей и в человеческой истории выступает хранителем основ цивилизации. Но и в русской летописи говорится, что Кий – прапредок! В мифе «Энки и Шумер» наш герой выступает как устроитель земного порядка на земле. Он отправляется в путешествие по земле, оплодотворяет ее и «определяет судьбу» городам и странам. Ки – символ мужского начала. Некоторые исследователи утверждают, что русские своим самым знаменитым матерным словом (сравни: Ки – кий, куй) поминуют именно этого бога! Вот зримое проявление связи времен: несколько искаженное имя бога стало ругательством, но образ, связанный с ним и ясно выражающий идею оплодотворения, предельно точно характеризует важнейшую роль бога-творца как зачинателя жизни.

Образ бога Ки восходит к тому далекому времени, когда

индоевропейские народы были еще единой семьей. Мигрируя по планете, они приносили свои мифы в самые отдаленные ее уголки. Вот почему «следы» бога Ки (Кия) обнаруживаются и в Поднепровье, и в Междуречье. Это следствие глобальных перемещений народов в древности. Находки археологов неопровержимо доказывают факт присутствия индоевропейцев в Шумере, поэтому воссоздание изначальных представлений о нашем мифическом первопредке более чем оправданно. К тому же одна из ассирийских клинописных табличек, найденных в Месопотамии, открывает подлинный смысл предания о перевозчике.

Табличка содержит рассказ человека по имени Ут-напиштим о том, как он и его супруга достигли бессмертия. Согласно ему, однажды боги решили покарать людской род и уничтожить все живое на земле, ниспослав страшный потоп. И лишь гуманный бог Хайа (Ки), который присутствовал на этом совете богов, решил предупредить благочестивого Ут-напиштима о грозящей опасности. Ки приблизился к построенному из ветвей, камыша и глины домику Ут-напиштима в городе Шуруппаке. Дуновением ветра донесся его шепот: «Слушай, стена, слушай! Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всех живых существ!..» Потом добрый бог Ки рассказал, каким должен быть корабль. И Ут-напиштим построил огромный ящик с крышкой, который был разделен на несколько

этажей и отделений. Он тщательно прошпаклевал этот ковчег горной смолой и погрузил на него своих домочадцев, свои пожитки и скот.

Когда хлынул дождь, Ут-напиштим сел в ковчег и закрыл дверь. Началась буря. Засверкали молнии, загрохотал гром, кругом все потемнело, и страшный ливень обрушился на землю. Шесть дней и ночей продолжалось светопреставление. Когда же все утихло, Ут-напиштим открыл окна и увидел остров. Это была вершина горы Нисир, восточнее Тигра. Спустя еще шесть дней Ут-напиштим выпустил голубя. Тот вернулся. Потом улетала ласточка, но и она возвратилась. В конце концов был выпущен ворон, который уже не вернулся назад. Ут-напиштим понял, что это знак ему покинуть ковчег и вступить на землю, которая уже подсыхала.

Он освободил из ковчега животных и на вершине горы принес благодарственную жертву богу.

Древние шумеры, как и средневековые русичи, считали себя потомками великого бога Ки. В незапамятные времена им пришлось пережить катастрофу, отраженную в рассказе Ут-напиштима. С той эпохи и сохранялась легенда о божестве-перевозчике, спасшем людей своим своевременным советом. История, рассказанная Ут-напиштимом, аналогична библейскому преданию о Всемирном потопе. Ут-напиштим – это вавилонский Ной, а Иегова, наставляющий последнего, играет роль бога Ки. Миф о потопе – бесспорное доказательство произошедшей некогда массовой миграции пред-

ков индоевропейцев (праиндоевропейцев) с севера на юг. В их числе были и предки русских. Наша история, таким образом, охватывает не только земли Европы и современной России, но также Средиземноморье, Ближний Восток и Вавилон. Найдем же в себе мужество и смелость поговорить о подлинной (а не безбожно урезанной) истории русского народа.

Глава 2

Баба-Яга – Великая богиня

*От зноя травы сухи и мертвы.
Степь – без границ, но даль
синее слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова – Каменная Баба.*

*Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.*

*О дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было
громовержцем?
– Не бог, не бог нас создал. Это
мы
Богов творили рабским сердцем.*

И. Бунин. Каменная Баба

Русские сказки сохранили чрезвычайно яркий и запоминающийся образ Бабы-Яги. В большинстве сюжетов она предстает в обличье ведьмы – старой и злой старухи-колдуньи, пытающейся всячески навредить герою. «Баба-Яга или Яга-баба – сказочное страшилище, большуха над ведьмами, подручница сатаны. Баба-Яга костяная нога: в ступе едет, пе-

стом погоняет (упирается), помелом след замечает; она простоволоса и в одной рубашке, без опояски; то и другое верх безчиния» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка). Но сквозь этот «негатив» просвечивают и совсем иные ее качества. Так, сказка нередко повествует о трех вещих сестрах (Бабах-Ягах), изображая их хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: они предвещают страннику, что ожидает его впереди, помогают ему мудрыми советами, дают богатырского коня, клубок, указывающий дорогу в неведомые страны, ковер-самолет и другие диковинки. Кстати, русское слово «ага» есть один из вариантов произнесения имени богини (сравни яга=йагагага) и означает оно согласие («да», «так», «конечно», «ладно»). Таким образом, изначально Баба-Яга обладала не только отрицательными, но и многими положительными качествами. Точнее говоря, образ Бабы-Яги возник в те далекие времена, когда добро и зло еще не персонифицировались.

Археологи нашли множество женских статуэток, относящихся ко времени каменного века – палеолита (35–15 тыс. лет до н. э.) и неолита (8–3 тыс. лет до н. э.). Эти находки дают основание полагать, что в те эпохи женское божество считалось главенствующим. Такое предположение находит подтверждение в искусстве Древнего Крита, а также в дошедших до нас текстах древних греков, римлян и египтян, где верховное женское божество именуется Великой богиней (или Великой матерью). Самая древняя скульптура Великой бо-

гини была найдена на месте палеолитического поселения в Восточной Сибири (его возраст 34 тысячи лет). Она представляет рожающую женщину с птичьей головой и высунутым языком. Образ богини-птицы, по-видимому, следует отнести к числу наиболее архаичных воплощений Великой богини. Человекоподобные образы богов приходили на смену зооморфным, но не всегда их замещение было полным. В частности, так произошло с Бабой-Ягой, у которой «костяная (т. е. птичья) нога» и длинный (т. е. птичий) нос. Да и проживает бабушка в избушке на курьих ножках (здесь на форму жилища переносятся черты его хозяина), а метлу, на которой она так лихо летает, следует признать поэтической метафорой хвоста. Эти сохранившиеся у Яги черты животного подчеркивают древность ее образа.

Представление о хозяйке избушки на курьих ножках как о птице-деве наводит на мысль, что изначально Баба-Яга уподоблялась птице, которая снесла и высидела мировое (космическое) яйцо. В мифопоэтической традиции самых разных народов оно осмыслялось как начало всех начал, прообраз космоса и его отдельных частей. Славяне, к примеру, верили, что весь мир подобен огромному яйцу: скорлупа – это небо, пленка – облака, белок – вода, желток – земля. В русских сказках яйцо выступает магическим предметом (оберегом). Оно может заключать в себе царства (медное, серебряное или золотое), хранит пропавшую любовь царь-девицы, жизнь Кощея или волшебное семечко, от которого та-

ет хрустальный дворец и освобождается царевна. Сохранились в сказках и более древние сюжеты о яйцах загадочной Жар-птицы, об утке, несущей золотые и серебряные яйца, а также о Курочке Рябе, обещающей подарить деду и бабе золотое яичко. В образах этих птиц продолжают жить старинные представления наших предков о Деве-птице – Великой богине, которая откладывает космическое яйцо (т. е. порождает Вселенную). Более поздние ее воплощения (например, сирены в греческой мифологии или русская вещая птица Гамаюн) сочетали в себе уже как человеческие, так и птичьи признаки. Бабу-Ягу тоже следует отнести к их числу.

Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871), выдающийся русский литературовед, особо подчеркивал близость образов Бабы-Яги и сказочной Змеихи. По его мнению, слово «яга» соответствует санскритскому «*ahi*» – змей. «У славян Баба-Яга и мифическая Змеиха выступают в преданиях как личности тождественные; что в одном варианте приписывается Змее, то нередко в другом исполняется Ягою, и наоборот: на Украине поедучую ведьму обыкновенно называют змеєю. Замечательно, что те же эпические выражения, какими обрисовывается избушка Бабы-Яги, прилагаются и к змеиному дворцу. Словацкая сказка изображает сыновей Ежи-бабы лютыми змеями. Наконец, подобно змею, Баба-Яга любит сосать белые груди красавиц... и пожирает человеческое мясо» (Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу). Но как в одном образе могли ужиться

черты змеи и птицы? Определяющим, на наш взгляд, тут является то обстоятельство, что змеи, как и птицы, размножаются схожим образом, поэтому Змея также могла мыслиться в качестве прародительницы Вселенной (Космического яйца). Так, эллины считали, что скифы произошли от мифической змеедевы, а в наиболее древнем (пеласгическом) варианте греческого мифа творения Мировое яйцо высиживал змей Офион (в предметах древнего средиземноморского искусства Великая Богиня постоянно изображалась вместе с ним).

Баба-Яга известна как похитительница детей. Ее избушка окружена забором из человеческих костей или тыном с воткнутыми на нем черепами. Это говорит о существовании кровавого культа этой богини, сопровождавшегося людскими, в том числе, по-видимому, и детскими жертвоприношениями. Но наряду с этим можно также говорить и о другой, более мирной, стороне ее культа. В своей, ставшей классической, книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп особо отмечал, что в процессе «очеловечивания» бога-животного то, что ранее играло роль животного, становится его атрибутом. В частности, избушку Бабы-Яги можно соотносить с древним образом ее хозяйки. Но тогда нельзя не признать, что заклинание, произносимое Иваном перед жилищем богини: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!» – звучит более чем двусмысленно. Не забудем также, что сказочный Иван не знает неудач в любов-

ных похождениях, а то, что сказка изображает Бабу-Ягу старой и некрасивой, очевидно, «налет» более поздних времен. Можно не сомневаться, что изначальный облик Богини Всего Сущего был гораздо привлекательнее, да и сама она была не столь дряхла и немощна. Не случайно в ряде сказочных сюжетов Баба-Яга выступает могучей воительницей, она – богатырша, спит с мечом-кладенцом в изголовье и бьется с богатырями, а на лубочных картинках изображается дерущейся со стариком или крокодилом.

Во многих сказках Яга предстает женщиной с огромными грудями: «Титьки через грядку» (грядка – шест для полотенец и пр.); «Яга, Ягишна, Овдотья Кузьминишна, нос в потолок, титьки через порог, сопли через грядку, языком сажу загребают». Или: «На печи, на девятом кирпичи лежит Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит». Баба-Яга подобна другим, более молодым, воплощениям Великой богини (Кибелы, Исиды, Астарты, Афродиты): она и воительница, и богиня любви. Ее пест и ступа – предметы, символизирующие вполне ясное эротическое действо, а метла, на которой восседает колдунья, – не менее очевидный символ утоления любовных вожделений. Словом, Иван, вступающий в избушку Бабы-Яги, не обычный посетитель или проситель. За этим сюжетом угадывается древнейший обряд служения и ритуал жертвоприношения Великой богине.

В древней Европе не было богов. Великая богиня счи-

талась бессмертной, неизменной и всемогущей. Мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным центром, а материнство считалось главным таинством. По мере того как соитие становилось общепризнанной причиной деторождения, царица племени (земное воплощение Великой богини) выбирала себе на год возлюбленного из числа юношей, состоявших в ее свите, и, когда истекал срок, он приносился в жертву. По нашему мнению, обряд жертвоприношения юноши Великой богине служил исходным основанием для сюжета посещения сказочным героем избушки Бабы-Яги. В течение года (или более короткого срока) юноша должен был выступать в роли супруга-соправителя царицы, и потому встречается он неизменно по-доброму: его и накормят, и напоят, и необходимую помощь окажут. Другое дело, что герой всегда счастливым образом избегает гибели, но такой поворот событий легко объясняется тем фактом, что со временем Ягу превратили в злого демона. «С появлением земледелия и земледельческой религии вся «лесная» религия превращается в сплошную нечисть, великий маг – в злого колдуна, мать и хозяйка зверей – в ведьму, затаскивающую детей на вовсе не символическое пожранье. Тот уклад, который уничтожил обряд, уничтожил и его создателей и носителей: ведьма, сжигающая детей, сама сжигается сказочником, носителем сказочной традиции» (Пронн В.Я. Исторические корни волшебной

сказки).

В последнее время появились основательные исследования, посвященные Великой богине. Отдельные главы посвятили ей А. Голан в книге «Миф и символ» и В.Н. Демин в книге «Загадки Русского Севера». Оба автора упоминают о Бабе-Яге, хотя ей и отведена второстепенная роль. А Голан говорит о нашей героине буквально «два слова», ограничиваясь лишь перечислением отдельных ее черт, указывающих на «ее происхождение от неолитической богини» (помимо уже отмеченных нами ее качеств, это еще и слепота). Анализ В.Н. Демина носит более полный характер. Он подчеркивает, что Баба-Яга – классический пример Великой богини, «матриархальной владычицы, которая изначально совмещала в себе черты воительницы, дарительницы и одновременно – похитительницы и людоедки». Особое внимание исследователь уделяет доказательству «прошлых сексуальных функций Бабы-Яги». По его аргументированному мнению, в сказке «Гуси-лебеди», где Баба-Яга преследует мальчика и кульминационно перегрызает дуб, первоначально был заложен легко угадываемый эротический подтекст. Такой взгляд прекрасно соответствует упомянутому выше ритуалу жертвоприношения юноши Великой царице.

Итак, Баба-Яга – один из древнейших образов Великой богини. Корни ее происхождения ведут во времена каменного века. Это первобогиня русских и славян. Но в то время русские и славянские племена еще не выделились из единой

индоевропейской общности. Но помнят ли другие народы о существовании этой Великой богини? Для начала обратимся к наследию древних греков.

История создания греческого Олимпа изложена в поэме Гесиода «Теогония» (VII в. до н. э.):

Прежде всего, во Вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах
глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос.

Впоследствии Гея сама из себя породила Урана-небо и Понт-море. От ее брака с Ураном произошло племя титанов, среди которых были и родители Зевса – Кронос и Рея, циклопы и сторукие великаны. Любовный союз Геи с Понтом дал начало целому ряду чудовищ, а от связи с Тартаром родился исполинский змее-человек Тифон. Греческая мифология, таким образом, – это история взаимоотношений потомков Геи.

Она праматерь богов и прародительница всего сущего, центральная фигура своей многочисленной семьи, хотя как действующее лицо в мифах появляется редко.

В греческом языке слово «земля» звучит как «хтон» и его никак нельзя соотнести с именем богини. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что имя Гея – догреческого происхождения и восходит ко времени единства индоевропей-

ских народов, а с другой – наводит на мысль, что статус богини земли придали ей сами греки и изначальные ее функции были значительно шире.

В гесиодовском мифе творения земля («она») и небо («он») появляются порознь. Более распространенный сюжет у индоевропейцев предполагает, что бог-громовержец ударами своего молота раскалывает мир надвое, выковывая земную твердь и отделяя тем самым ее от неба. Этот миф из времен патриархата. В греческой же родословной богов, наоборот, особо выделена роль женского начала. Причем именно «она» (непорочным путем!) порождает отца своих будущих детей. Мысль о женщине как безусловном творце мира родилась в эпоху, предшествовавшую патриархату – «веку» господства мужчин. История, переданная нам Гесиодом, безусловно, содержит отголоски того древнейшего времени. Правда, первенство бесполого (?) Хаоса в какой-то степени лишает Гею верховного статуса и в этом уже видится грядущее наступление патриархата, но роли богини-творца эта неолитическая богиня еще не утратила. Необычность того иерархического положения, в котором пребывает Гея, на наш взгляд, является еще одним свидетельством того, что античные греки восприняли ее культ у других народов. Ими, как это ни покажется для многих читателей странным, были предки современных русских и славян. Прототип же Геи хорошо известен всем нам с детских лет и теперь не составляет никакого секрета. Это – Баба-Яга!

Богиня Гея – «мать сыра земля» – символизирует женщину-рожаницу. В этом смысле интересно, что «широкогрудая» – единственный, а значит, и самый характерный эпитет, которым Гесиод «награждает» Гею. Подчеркнуто большие женские груди – один из символов Великой богини, который, безусловно, роднит образы Геи и Бабы-Яги.

Белорусы утверждают, что Баба-Яга ездит по поднебесью в огненной ступе и погоняет огненной метлою, что во время ее поезда воют ветры, стонет земля, трещат и гнутся вековые деревья. Сверх того, Баба-Яга обладает волшебными огнедышащими конями, сапогами-скороходами, гусями-самогудами и мечом-самосеком, т. е. в ее власти состоят и быстролетные облака, и бурные напевы грозы, и разящая молния. Иначе говоря, в былые времена Баба-Яга олицетворяла могущество и необузданность природных стихий, так что появление ее из Хаоса под именем Геи в роли Хозяйки мира кажется весьма закономерным.

Теперь об именах богинь. Можно предположить, что словосочетание Баба-Яга – относительно позднего происхождения, а изначальным вариантом имени была «Ягая баба», т. е. «кричащая, шумящая баба». Такая форма имени и его различные производные (Ягайя-баба, Егабовна, Егибисна, Егибиха и т. д.) непосредственно присутствуют в фольклорных текстах. Но из-за безударной первой гласной словосочетание «Ягая баба» могло восприниматься как «Гая баба» (замечательно, что одно из значений слова «гай» – «гам, шум») или

«Баба Гая». От последнего слова и произошло имя «Гея». Привлекательность такой версии заключается еще и в том, что другим значением слова «гай» (родительный падеж – «гая») в славянских языках является «роща», «лес» и, следовательно, «Баба гая» означает «Лесная баба», что идеально соотносится со сказочными описаниями Бабы-Яги.

Смысловая параллель яга – гай – гам имеет еще одно воистину впечатляющее следствие. Она позволяет отождествить имена Яга и Гамаюн! Гамаюн – вещая птица с человеческим (женским) лицом. Она – вестник древних языческих богов, их глашатай, поющий людям божественные гимны. Эта птицедева выступает хранительницей тайн мироздания. В представлениях русских людей ее образ связывается с картиной В.М. Васнецова «Гамаюн» и одноименным стихотворением А.А. Блока, написанным под впечатлением от нее:

На гладах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат

Уста, запекшиеся кровью!

Нам неизвестны какие-либо специальные исследования, посвященные птице Гамаюн. Более того, ни в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира», ни в энциклопедическом словаре «Славянская мифология», подготовленном сотрудниками Института славяноведения и балканистики Российской академии наук, нет даже упоминания о ней. Этот мифологический персонаж почему-то представляется современным филологам второстепенным и не заслуживающим внимания. К счастью, так было не всегда. В.М. Васнецов и А.А. Блок ощущали исключительную важность образа вещи птицы в русской и славянской мифологии, и потому обратились к нему в своих произведениях.

Сам автор не раз внимательно разглядывал васнецовскую картину. Она притягивает своей красотой. Но вместе с тем в ней заключена и глубокая мифологическая символика. Дерево, на котором сидит вещая птица, не обыкновенное, а священное! Его называют Космическим (Мировым) деревом или Древом жизни. По представлениям самых разных народов, оно соединяет верхний и нижний миры Вселенной, это чрезвычайно архаический образ, наполненный глубоким философским содержанием. Он символизирует связь времен, единство всего Сущего (в том числе неразрывную связь с космосом), всеведение и торжество жизни. Это о нем писали А.С. Пушкин:

У лукоморья дуб зеленый...

и Вячеслав Иванов (стихотворение «Дриады»):

Так Древо тайное растет душой одной
Из влажной Вечности глубокой,
Одетое миров всечувственной весной,
Вселенской листвою звездноокой:
Се Древо Жизни так цветет душой одной.

(здесь в слове «листвою» с ударением следует произнести первый слог). Из-под корней Мирового древа («Из влажной вечности глубокой») бьют ключи с живой и мертвой водой.

Во многих русских сказках и заговорах Космическое древо описывается стоящим на Море-океане, на острове Буяне. Эту мифическую деталь обыграл Иван Бунин в своем стихотворении «Русская сказка». Приведем его полностью:

Ворон

Ну, что, бабушка, как спасаешься?
У тебя ль не рай, у тебя ль не мед?

Яга

Ах, залетный гость! Издеваешься!
Уж какой там мед – шкуру пес дерет!
Лес гудит, свистит, нагоняет сон,
Ночь и день стоит над волной туман,

Окружен со всех с четырех сторон
Тьмой да мгой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
Под каким яйцо закопал Кощей.
Я состарилась, изболела вся,
Сохраняючи чертов тот ларец!
Будь огонь в светце – я б погрелася,
Будь капустный клочок – похлебала б щец.
Да огонь-то, вишь, в океане – весть,
Да не то что щец – нету прелых лык!

Ворон
Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
Дура старая, неразумный шлык!

Поэт попытался представить житье-бытье Бабы-Яги посреди океана – она уже и не Хозяйка леса, не Властительница природных сил и не Хранительница огня. Здесь налицо отступление от классической сказочной традиции. Случайно ли это? Разумеется, нет. Стихотворение было написано в 1922 году и имеет вполне очевидный политический подтекст. Баба-Яга в стихотворении, подобно России того времени, переживает трагические времена, она изолирована от мира, испытывает нужду и голод.

Точно так же в «нашествии» вод на васнецовской картине, замутивших бьющие из корней Мирового дерева ключи и

затопивших остров Буян, мы склонны видеть исторический подтекст. Художник жил на рубеже веков и, подобно многим своим выдающимся современникам, предчувствовал грядущие потрясения, ожидающие Россию. Закат на картине – предвестник кровавых перемен, этим же настроением пронизаны и блоковские строки. Правда, можно сказать, что мотив былых жертвоприношений Великой богине («Уста, запекшиеся кровью») в самой картине явно не выражен, и поэтому в данном случае более владели собственными пророчества о будущей судьбе России.

В ходе нашего исследования мы шаг за шагом восстанавливали первозданные черты Бабы-Яги: ее природную predisposition не только ко злу, но и к добру, вещую природу, внешний облик в виде девы-птицы, отнюдь не безобразную (если не сказать красивую) наружность и, наконец, покровительство искусству любви. Но все это свойственно и птице Гамаюн. Мы смело можем утверждать, что птица Гамаюн представляет изначальный образ Бабы-Яги – птицедевы. Более того, значение имен этих богинь суть одно и то же! Слово «Гамаюн» – двусоставное; первая его часть «гама» уже обсуждалась, вторая же «юн» означает «юная», «юница», так что все имя целиком можно перевести как «кричащая дева» или «кричащая молодка». Оно в точности соответствует расшифровке имени Баба-Яга. Вместе с тем оно содержит в себе и некоторое своеобразие. Древнерусские слова «юница» и «юнец» употреблялись в значении «ново-

брачные», юницами шутливо называли полувзрослых девушек, подростков, поэтому птица Гамаюн, а значит, и Баба-Яга – богини-девственницы. Последнее обстоятельство объясняет, почему у Бабы-Яги нет мужа, а сама она всегда старается помешать соединению влюбленных. Но как тогда совместить представления о девственности Бабы-Яги с оргиастическим характером ее культа?

Применительно к другим ипостасям Великой богини эта проблема уже обсуждалась мифологами. «Остатки культа Великой богини сохранялись в античное время в Малой Азии, а также частично в Греции и других местах. Этот культ сопровождался поклонением фаллу и обрядами, носившими вакханальный, оргиастический характер. В Древнем мире существовала храмовая проституция, которая, как считалось, была угодна богине. При условиях, когда культ богини сопровождался блудом, когда сама богиня мыслилась сочетающейся с мужским божеством (судя по мифам и, в частности, по многим символическим композициям), парадоксальным представляется имевшее место мнение о ней как о деве» (Голан А. Миф и символ). В ситуации с Бабой-Ягой парадокс разрешается достаточно просто. Представления о ней формировались в ту далекую эпоху, когда еще не было ни богов, ни жрецов, а были универсальные богини и их жрицы, причем женщины являлись главенствующим полом, отцовство же не признавалось.

Обряды служения Великой богине и ритуалы жертвопри-

ношений ей – тоже отголоски древнейших времен. На первых порах в них не вкладывалось какой-либо «духовной» подоплеки, а на первый план выходила оргиастическая (физиологическая) сторона культа. Под влиянием «догмата о девственности» они непрерывно трансформировались, может быть, даже на какое-то время запрещались, ведь не случайно же возникли «институты» скопцов, весталок и христианство – с его культом Девы Марии. Но в целом как традиция эти обряды сохранялись очень долго (в России это праздники в Ивановскую ночь с их сладострастными игрищами, обряды похорон бога плодородия – супруга Великой богини, изображавшегося в виде куклы с непомерно большим фаллосом).

Великая богиня является персонификацией изначальной стихии, Первоженщиной (Матерью Вселенной), своеобразным тотемным предком человечества. Идея создания Мира (включая богов) одним изначальным существом породила, в свою очередь, мысль о непорочном зачатии (славянское *deva* «девственница», кстати, этимологически родственно санскритскому *devi* «богиня»). В более поздние времена отношение к такому религиозному утверждению уже не могло оставаться столь единодушным, поэтому данная черта оказалась присуща отнюдь не всем ипостасям Великой богини. В частности, более молодой аналог Бабы-Яги – богиня Гея – уже не называлась девственницей, но своего мужа Урана она родила непорочным путем! На некотором этапе раз-

вития русского народа жрецы осознали, что понятие о девственности богини не слишком вяжется с именем «Баба»: баба – замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодицею, или вдова. Наверное, именно в тот момент и возникло новое имя нашей героини – Гамаюн, которое подчеркивает ее юность, чистоту и непорочность.

Наш метод поиска мифологических параллелей Бабы-Яги по существу основывается на двух принципах: выделении схожих черт в образах богинь и доказательстве этимологической близости их имен. При этом слово «Яга» мы соотнесли с понятием «гама, шума», издаваемого космотворящей птицей (Великой богиней). Возгласом «га!» до сих пор подражают гусиному крику, гагой, гоголем русские называют утку, одно из значений слова «гоготать» (т. е. заливаться криком «гого») – кричать по-птичьему, по-гусиному; кудахтать как курица, снесшая яйцо. Смехом «ха-ха-ха» мы поминем Великую богиню Бабу-Ягу. «Ги, гиги» – наступательный крик казаков, крик загонщиков на облове, – отсюда слова «гик», «гиканье». «Гей» – призывное междометие, означающее «эй, слышь, слушай». В рамках такой интерпретации имена Яга, Гея и Гамаюн можно считать синонимами. Разумеется, истинное значение греческого варианта имени наименее уловимо, но ведь так и должно быть при заимствовании образа. Общим для имен «Яга» и «Гея» является наличие общей согласной «г», и не стоит удивляться, что они

имеют один и тот же смысл. К примеру, современное «рай» по-древнерусски звучало как «ирей».

Вполне понятно, что дать правильное толкование имени Гея на основании знания только греческого языка было бы практически невозможно. То же самое можно сказать и об имени другой греческой богини – Гестии. В самых разных индоевропейских языках (в том числе в русском и греческом) его можно буквально прочитать как «есть Г (Гэ)». Как и все обсуждавшиеся ранее имена, оно восходит к древнейшему кличу Великой богини. Гестия – богиня домашнего очага, старшая дочь Кроноса и Реи, олимпийское божество. Она покровительница неугасимого огня – начала, объединяющего мир богов, человеческое общество и каждую семью. Целомудренная безбрачная Гестия пребывает на Олимпе, символизируя незыблемый космос. Образ Гестии рано приобрел отвлеченные черты персонифицированного огня и не связан с мифологическими сюжетами. Как можно совместить почетное место на Олимпе и, по существу, отстраненность от участия в жизни богов? Очень просто: Гестия, подобно Гее, – одно из воплощений Бабы-Яги в греческой мифологии. Только теперь в ней подчеркнуто другое важное качество, свойственное Яге, – поддержание священного огня. Сказки свидетельствуют, что печка у Бабы-Яги всегда затоплена, а своих гостей она обещает непременно изжарить. Русское «огонь» (слышится «агонь») происходит от корня «Аг», лежащего в основе прозвища Яга. Баба-Яга, мо-

жет быть, единственный древнейший персонаж фольклора, который неотделим от своего жилища. Она – хранительница дома, более того, в некоторых сюжетах он окружен частоколом и подобен крепости. Слово «огород» (в смысле «огороженное место») тоже можно соотнести с именем Яга и переводить как «родина Яги». В Риме Гестии соответствовала богиня Веста, ей был посвящен специальный храм, в котором поддерживался вечный огонь – символ государственного благополучия. Жрицы Весты – весталки – избирались из числа девочек 6—10 лет; они должны были сохранять девственность в течение 30 лет и за нарушение этого запрета замуровывались живыми. Сопоставление Яги с Гестией и Вестой позволяет предположить, что мотив похищения детей Бабой-Ягой обусловлен не столько существованием в древности ритуала детских жертвоприношений, сколько наличием «института» жриц и жрецов, посвящавших свою жизнь Великой богине.

Выявленное нами несомненное родство Бабы-Яги с праматерью греческих богов неоспоримо свидетельствует о том, что предки русских и славян были в числе первопоселенцев на территории Греции. От имени Яга происходит название Эгейского моря. О птице Гамаюн на землях Греции тоже осталось воспоминание: это юноша Гименей, божество брака, мужская параллель русской птицедевы, мысливший-ся, однако, уже в человеческом обличье. Носители культа Бабы-Яги и птицы Гамаюн пришли в Эгеиду примерно в сере-

дине IV тыс. до н. э. Своей природой эта земля значительно отличалась от тех областей Восточной и Центральной Европы, где они проживали ранее. Местность тут была более гористой и не так богата лесами, но главное отличие заключалось в ее соседстве с морем.

Людей влекли в Эгеиду острова. Они были прекрасны; даже усталого морехода не могут не тронуть меняющиеся цвета этих тенистых холмов, которые, точно храмы, вздымаются над зеркальным морем. Сегодня на земле найдется не много пейзажей прелестнее этих; плывя Эгейским морем, начинаешь понимать, почему люди, населявшие эти берега и острова, полюбили их чуть ли не больше жизни и, подобно Сократу, считали, что изгнание горше смерти. Но кроме того, мореход не без удовольствия отметит, что драгоценные камни этих островов рассыпаны повсюду, причем на столь коротких интервалах, что – двигаясь ли с востока на запад или с севера на юг – он никогда не удалится от земли более чем на сорок миль. И поскольку острова, как и материковые хребты, были горными вершинами сплошной некогда суши, которую постепенно затопило упрямое море, желанные пики всегда радовали взгляд наблюдателя, служа маяками кораблям, еще не знавшим компаса. Бассейн Эгейского моря служил идеальным местом для выработки морских навыков. Вместе с тем начинающие мореходы более осознанно, чем их предки, ощущали свою неразрывную связь с землей. Море таило угрозу и возможную гибель, тогда как суша предвещала

спасение и встречу с близкими. Поэтому в ранней греческой мифологии на первый план выходит именно богиня земли. В этом смысле вполне ясно и понятно последующее преобразование Геи в Гестию – богиню, символизирующую тепло и безопасность родного дома.

Как известно, собственно греческие племена (ахейцы, эолийцы, ионийцы) появились в Эгеиде около 1900 г. до н. э. Они восприняли и в значительной степени унаследовали культуру народа, первым обустроившего этот дивный край. Ее центром был остров Крит. Для современных исследователей вопрос о происхождении «критской» цивилизации – один из наиболее загадочных. В настоящий момент преобладает мнение, что ее создатели (пеласги) были неиндоевропейцы. Однако с каждым годом появляется все больше работ, доказывающих обратное. Выявленная нами история развития образа Бабы-Яги на греческой почве – еще один аргумент, противоречащий общепринятой точке зрения. Но может быть, распространение культа Бабы-Яги ограничилось только землями Греции?

Поверить в это очень трудно, поскольку в первой половине II тыс. до н. э. критяне имели самый сильный флот в Средиземноморье и успешно обследовали самые удаленные его уголки. Поэтому очень даже нелишне поискать «двойников» нашей богини в заморских странах. И искать долго не придется. Расположенная буквально «в двух шагах» от Крита библейская страна напомнит нам о... Иегове. Верхов-

ный бог христиан и иудеев и Баба-Яга, не странно ли? Нет, ни в коей степени. Просто надо напомнить некоторые важные моменты, которые толкователи Библии предпочитают не разглашать. Дело в том, что представления об Иегове как о едином Боге-мужчине появились сравнительно поздно. Лоуренс Гарднер в книге «Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа» датирует это время приблизительно 536 г. до н. э. (конец вавилонского пленения). Здесь возможны и другие даты, но важно то, что изначально Иегова, как вариант слова Яга, было именем Великой богини! Древние евреи, унаследовавшие миф творения от «пеласгов» или ханаанеев (доеврейского населения Палестины), ощущали недоумение: в книге Бытия женского рода «дух Божий» сидит, как наседка, на поверхности вод, хотя Мировое яйцо и не упоминается. Читатели Библию обычно не задумываются, почему порождает мир Бог-отец? Это очевидное искажение древнейшей мифологической традиции и прямой вызов здравому смыслу – ведь роженицей должна быть женщина! Библия составлялась и редактировалась уже во времена патриархата, поэтому связь Иеговы с образом Великой богини всячески затушевывалась. Но это нас не должно обманывать! Мы должны знать, что прообразом верховного бога христиан и иудеев была Баба-Яга. О том же, как в Палестину занесло предков русских и славян, мы еще поговорим.

Глава 3

Кощей-курет

*Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кощей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!*

А.С. Пушкин

За Кощеем Бессмертным утвердилась слава демонического героя. Он олицетворяет беду, грозящую героям сказки, и традиционно считается носителем зла, эдаким чертом. Но, как и Баба-Яга, Кощей не так прост, как кажется. Начнем с того, что он является хранителем космического яйца, которое находится в утке, а та вместе с зайцем в железном сундуке под зеленым дубом в море-океане, на острове Буяне. Заветное яйцо зарыто под корнями Мирового дерева, места обитания Великой богини. Сама она, являясь в сказке в образе утки, оберегает свое священное сокровище и борется до последнего, пытаясь спасти его. В Кощее, таким образом, следует видеть, прежде всего, спутника Великой богини, ее верного слугу (жреца и супруга!), жизнью (вернее, даже бессмертием, что неизмеримо дороже!) расплачивающегося за свою преданность ей.

В сказках Кощей играет роль скупого хранителя богатств и похитителя красавиц. Этим своим поведением он напоминает Змея, иногда они даже заменяют друг друга в разных вариантах одной и той же сказки. Змей – очень древний мифологический символ, и его поведение не исчерпывается только злыми деяниями.

Точно так же слава отрицательного героя закрепилась за Кошеем лишь в относительно недавние времена.

Но, может быть, первичный смысл образа Кощея откроет его имя? В старославянских памятниках слово *кощь*, *когитъ* попадает исключительно в значении «сухой, тощий, худой телом» и очевидно стоит в ближайшем родстве со словом «кость». В русском языке слова «окостенеть» и «умереть» – синонимы, поэтому при экранизациях сказок или в иллюстрациях к ним Кощея часто изображают в виде скелета (символа смерти). Однако в самих сказках Кощей никого не убивает, наоборот, расправляются с ним и его приближенными. Более того, прозвище Бессмертный указывает, что в нем заключено некое жизненное начало, противостоящее тлену и гибели. Важно напомнить также, что Змей, с которым неизменно сопоставляют Кощея, служит символом мужского оплодотворяющего начала. Общеизвестна и страсть сказочных Змеев к юным красавицам (девственницам), умыкаемым ими то из-под родительского крова, то со свадебного пира. Игла, которую находит Иван в Кошеевом яйце, символизирует его жизнестроительные силы, это иносказатель-

ный образ детородного органа. Переламывание иглы означает утрату Кощеем способности порождать новые жизни, а если шире, то и право выступать в качестве божества плодородия. Поступок Ивана полностью аналогичен действию Кроноса, оскотившего своего отца Урана, чтобы пресечь его бесконечную плодовитость. Выставлять Кощея только демоном загробного мира, несущим миру смерть, – неправильно. Таким его, и то не в полной мере, сделала позднейшая традиция. В силу этого и этимологическая параллель *Кощей* – *кость* дает лишь частичное понимание того изначально-го смысла, который вкладывался в имя нашего мифологического персонажа.

Существует также версия, согласно которой имя Кощей заимствовано у тюрков и переводится как «пленник, узник, раб». Здесь исследователей пленило хорошее звуковое согласие слов из разных языков. Но образ Кощея как хранителя космического яйца и защитника Великой богини возник задолго до того, как начались какие бы то ни было контакты русских с тюрками (первые века нашей эры). Ошибка во времени в данном случае исчисляется даже не веками, а тысячелетиями. Кощей – один из наиболее древних наших мифологических персонажей, и корни его имени следует искать в словарях индоевропейских языков. Что же до значения имени в тюркском переводе, то оно отражает лишь один сказочный эпизод, когда Кощей томился в чулане у Марьи Моревны. Никто кроме нее (и об этом подробнее чуть ни-

же) не смог пленить его или заставить служить себе, поэтому производить слово «Кощей» от «пленника, узника, раба» неоправданно. Другое дело, что в эпоху столкновений с тюрками попадание в плен (т. е. в рабство) для русского человека было равносильно встрече со смертью, которую в те времена олицетворял для них повелитель царства мертвых – Кощей.

Итак, происхождение слова «Кощей» загадочно, если не сказать таинственно. «Лобовые» (чисто лингвистические) методы анализа дают очевидный сбой, поэтому стоит пофантазировать, а как выглядел Кощей в своем первоизданном виде. О Кощее известно, что он летает. В сказочных текстах полеты не редкость: летают и ковры-самолеты, и корабли, и даже рожденные ползать змеи. Но в природе летают только птицы! Не забудем, что древнейшим символом Великой богини была именно птица. Так не мыслился ли и ее хранитель изначально в птичьем облике? Разве не птица-самец должен оберегать яйцо, снесенное птицедевой? Конечно он, ее супруг, и сторожит плод своей любви. Иначе и быть не может, иначе вся история с магическим яйцом, зарытым где-то у черта на куличках, превращается в полную бессмыслицу, которая не пережила бы и двух-трех поколений. Мифы, рожденные много веков назад, можно сравнить со светом, приходящим от далеких звезд. Тысячи лет он странствовал в космической пустыне, но в конце концов был увиден и запечатлен людьми. И теперь дело за малым – описать историю

путешествия светового луча.

Но вернемся к разговору об имени нашего героя и возьмем, как говорится, быка за рога. Русские называют петуха еще кочетом или кочем. Слова «кочет» (слышится «кочт») и «коч» созвучны имени «Кош», которое присутствует в сказках и породило более поздний, ставший общеупотребительным вариант «Кощей». В основе всех этих слов лежит форма «Ко-» – характерный звук, который издают петухи и куры. От нее произошли слова «коко» – яйцо, «кокошь» – курица, наседка, «кокотать», т. е. кудахтать. Имена Кочет, Кош, Кощей тоже родственны им. В связи с этим напрашиваются объяснительные параллели: Кочет – тот, кто кокочет, Кош – тот, чья жена кокошь, а Кощей – кокоший (наседкин) муж. Самцы молчаливее своих подруг, поэтому в их именах присутствует только одно «ко».

Народная сказка приписывает Кощею обладание гусями-самогудами, которые так искусно играют, что каждый невольно заслушается их до смерти. Но что это за инструмент, который играет сам по себе? Может быть, это просто поэтическая метафора песен вещей птиц, к числу которых относится и петух? Ведь слово «петух» произошло от глагола «петь», а самого петуха называют еще пивень, то есть поющий.

В народных верованиях славян петух – птица, способная противостоять нечистой силе и в то же время наделяемая демоническими свойствами. У украинцев демонический пе-

тух называется «царик». Он начинает петть еще в яйце, а когда вырастает, то становится самым почитаемым петухом в округе. Он первым поет в полночь, и его боится дьявол. «Царика» нельзя резать. В Сербии верят, что петух может быть «змеем». Такой петух отличается необыкновенной силой. При приближении градоносной тучи он забивается под порог и там оставляет тело, а его дух идет бороться с халами (мифическими существами – душами самоубийц, которые водят тучи). Существует поверье, что петуха нельзя долго держать в хозяйстве. Сербь ежегодно в день Ильи-пророка колют на пороге старого петуха и заводят нового. По их представлениям, старый петух может навлечь на хозяина смерть или превратиться в демоническое существо. У всех славян считается, что старый петух, проживший три, пять, семь или девять лет, снесет маленькое яйцо. Из этого яйца может вывестись демоническое существо («хованец-годованец», «огненный змей», «василиск» и др.), принимающее вид огня, искры, кота, маленького человечка или цыпленка. Это существо нечистое. Оно исполняет желание хозяина, но через три года забирает его душу. В некоторых местах считали, что петух загребает свое яйцо в навоз, и из него вылупляется демонический змей. Эти примеры убедительно доказывают возможность перевоплощения Кощея-кочета в демонического Змея.

В былине «Иван Годинович» упоминается отчество Кощея – Трипетович. Оно «еще не подвергалось толкованию»

(Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси) и выглядит совершенно неприступным для анализа. В нашей интерпретации Трипетович – значит Трипетухович или третий Петухович (третий цыпленок у своих родителей). Таким образом, отчество Кощея свидетельствует, что он потомок Кочета. Но какой смысл имеет корень «три»?

На Руси вплоть до начала XX века праздновался загадочный и таинственный для современных исследователей праздник «троецыплатницы». Опишем вкратце его, следуя материалам, собранным выдающимся русским этнографом Д.К. Зелениным (1878–1954) в статье «Троецыплатница». Троецыплатницей называют курицу, выведившую цыплят три раза. Хозяйка дома, в котором задумали праздновать «троецыплатницу», сначала делает сбор в кругу своих родных и знакомых; последние дают солод, муку, хмель и крупы. По окончании сбора хозяйка заблаговременно готовит пиво. Кушанья делаются уже общими силами. Приготовлением кур-троецыплатниц занимаются одни вдовы. Кроме них, никто другой, ни из мужчин, ни из женщин, не должен касаться этих кур. Только колоть их дают мальчику не старше 9 лет.

В назначенный день, после молебна, на котором бывают все приглашенные на праздник, устраивается обед. Сперва за стол усаживаются одни мужчины, им подается вино и пиво и все кушанья за исключением троецыплатницы, которую, согласно традиции, должны есть одни женщины. Отобедав, мужчины вскоре уходят, женщины же, оставшись одни, вы-

сылают из комнаты девиц и детей и запирают двери. Потом, затеплив пред иконами свечу и помолившись Богу, садятся кушать за два стола: за первый – старые, а за другой – молодые женщины, и с благоговением продолжают свою трапезу, не употребляя во время нее ни вина, ни пива. За первым столом занимает первое место, обыкновенно, старшая летами, по преимуществу вдова. Она, отломив голову троецпылятницы, передает ее другим, а те друг другу, ломая на части руками, так как, по их мнению, грех употреблять в то время ножи и вилки. После окончания трапезы старшая летами, собрав кости троецпылятниц и положив их в чистый сосуд, ставит его с благоговением на свою голову и проносит его по комнате взад и вперед. После нее этот ритуал исполняет каждая из присутствующих женщин. По окончании обряда хозяйка вынимает кости из сосуда, заворачивает их в скатерть и прячет. В этот же день вечером, тайно от других, хозяйка пускает скатерть с костями в воду, если поблизости есть река или пруд. Если же рядом нет водоемов, то эти остатки скрываются в поле или в лесу, и обязательно без свидетелей, чем подчеркивается священность захоронения. На другой день гости собираются вторично, нарочито уже для угощения, принося приготовленные дома кушанья. Тогда пьют пиво и вино и веселятся, кто как может, по своему обыкновению. Так заканчивается этот обряд, который справляется непременно осенью и которому приписывается какая-то чудодейственная сила.

Троецыплатница является символическим изображением Великой богини, одним из древнейших воплощений Бабы-Яги (не забудем о необыкновенном расположении ее жилища, выдающем ее родство с курицей). Ритуальное поедание троецыплатницы сродни более позднему по происхождению обряду похорон божества плодородия (у славян в этой роли выступали Кострома, Марена, Ярила и др.). Их соломенные чучела сжигали или разрывали на части, но считалось, что позже они обязательно воскреснут, знаменуя неуничтожимость жизни. Этот ритуал был призван обеспечить плодородие. Близкие идеи, по всей видимости, лежали и в основе праздника «троецыплатницы». Петух и курица известны как символы плодородия. Петухов резали, чтобы приготовить ритуальное блюдо после окончания жатвы. После уборки зерновых сербы, например, закалывали петуха на гумне, его кровью окроплялось зерно, которое первым бросали в землю при севе. Курица, трижды выведшая цыплят (тройка – магическое число), считалась в значительной степени уже истощившей свои плодоносные силы, чтобы родить здоровое и сильное потомство, и потому обрекалась на заклятие. Служительницами Великой богини в данном обряде выступают вдовы женщины («весталки» поневоле) и юный мальчик, которые (в силу разных обстоятельств) также не могут олицетворять плодородие. Но как Марена и Кострома, троецыплатница в будущем должна воскреснуть, правда, уже в другом облике. Не случайно ее поедают без использо-

вания режущих и колющих предметов, чтобы не повредить косточек. Кстати, не отсюда ли происходит обычай есть курицу руками? В русских сказках распространен сюжет, когда косточки съеденного животного, зарытые где-нибудь в заветном месте, порождают через некоторое время новую жизнь. Продолжать божественную (жизненную) линию троецыплятницы должен был последний в ее роду, то есть рожденный третьим цыпленок (обратим внимание, что в сказках все запредельные задачи удается решить именно третьему сыну). Его потомку Трипетовичу надлежит хранить плодородные силы природы, что, собственно, и делает Кощей в роли стража символического яйца жизни.

Подтверждением такому истолкованию служит сказка «Марья Моревна» из сборника Афанасьева. В ней Кощей и Иван-царевич сражаются за право быть возлюбленным Марьи Моревны. В первый раз, когда Ивану удастся вызволить суженую из плена, вещий конь Кощея говорит своему хозяину: «Можно пшеницы засеять, дожидаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!» И после второй попытки увоза конь Кощея уверенно заявляет: «Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выпаться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!» В тексте сказки обнаруживается интереснейшее обстоятельство: время пребывания Марьи Моревны на свободе совпа-

дает по срокам с сезоном полевых сельскохозяйственных работ. «Сев. Рост колосьев. Жатва. Молотьба. Размол зерна. Выпечка хлеба и варка пива. Здесь с подробностью заклинания, перечисляющего все детали и все этапы, представлен полный годичный цикл древнего земледельца от весеннего сева до осеннего праздника урожая с его ритуальным пивом. Упомянуты тут и древнейшие злаки первых земледельцев: яровая пшеница и ячмень» (*Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси*). Сказочная Марья Моревна – это один из образов Великой богини, по-другому – Морены. На время холодов ее уносит и оберегает в своем дворце Кощей Трипетович, хранитель сил плодородия. Таков изначальный смысл мифа о Кошее и Марье Моревне. Повторимся: злодеем и повелителем царства мертвых Кощей сделала уже позднейшая традиция, попросту он уступил свое место верховного бога плодородия более молодому Ивану.

Важным культовым действием во время праздника «троецпылатницы» являются манипуляции с сосудом или горшком, в которые положены обглоданные косточки жертвенного животного. Женщины поочередно ставят его на голову и ходят с ним по комнате. В чем же состоит смысл этих магических действий? Тут самое время вспомнить, что у русских роль оберега домашней птицы выполняли камешки со сквозными отверстиями, горшок, кринка или глиняный ручкомойник без дна и т. д. Он назывался Куриный бог и помещался обычно в курятнике около насеста или над ним. Де-

лалось это, чтобы куры хорошо неслись и были целы. Горшок с останками троецпылятницы выступает в рассматриваемом обряде в качестве Куриного бога. Наличие отверстия у предметов, символизировавших этот оберег, позволяет усматривать в нем женский эротический символ, что соответствует одной из его функций – способствовать плодоносности кур. С другой стороны, внешний вид кости чрезвычайно схож с эректированным фаллосом, поэтому помещение куриных (неразломанных!) косточек в горшок символизировало акт оплодотворения Великой богини, будущее сексуальное действие, которое послужит зарождению новой жизни. Указывавшаяся ранее этимологическая параллель Кощей-кость дает нам дополнительное основание утверждать, что образ Кощея поминался в ходе обряда. Но почему женщины ставили сосуд с костями на голову? Эта деталь обряда опять-таки не случайна.

Религиозные воззрения на Руси требовали, чтобы замужняя женщина тщательно скрывала свои волосы от постороннего взора. Засветить волосом, т. е. показать постороннему хотя бы прядь своих волос, было для нее величайшим позором. Головными уборами замужней женщины служили покрывало, кичка, кокошник и др. Девичий головной убор отличается от них, главным образом, тем, что девушки не закрывают темени и открывают волосы. При этом они не прячут косу, которая свешивается на спину. Непокрытые волосы считают показателем девственности, и поэтому женщи-

не, родившей ребенка, не полагается носить девичий головной убор. Покрытие головы, таким образом, символизировало переход женщины в новый период своей жизни, когда она становилась Матерью. Устанавливая ритуальный сосуд на голову, женщина имитировала первое надевание девушкой головного убора замужней женщины. Этим магическим приемом (символическим переживанием акта совокупления) она призывала к себе силы плодородия. Очень характерно, что женщина, поддерживающая сосуд, стоящий на голове, напоминала известные изображения Великой богини (в наскальных рисунках, в вышивках) с устремленными к небу руками. Этот обряд совершался в отсутствие мужчин, что свидетельствует о глубокой его древности. Он зародился во времена матриархата и подчеркивает приоритет женщины в воссоздании жизни. Однако манипуляции с костями (которые символизировали то, что в сказке целомудренно названо Кощеевой смертью) и горшком (Куриным богом) указывают, что сам акт творения, в отличие от первобытных эпох, уже не мыслился без участия мужчин.

Отчество Кощея созвучно имени одного из персонажей античной мифологии – Триптолема – сына элевсинского царя (Элевсин – город со знаменитым святилищем мистериального культа, расположенный в 22 км от Афин). Согласно древнегреческим мифам, богиня Деметра подарила Триптолему зерна для сева, деревянную соху и колесницу, запряженную змеями, и послала его учить людей во всем мире

искусству земледелия. Деметра – богиня плодородия и земледелия, дочь Кроноса и Реи, сестра и супруга Зевса. Ее имя Деметра легко читается по-русски: Дий-матерь – божественная мать. В греческом же языке, чтобы расшифровать ее имя, следует изрядно потрудиться. Слово «Деметра» или «Матерь Де» обычно трактуют как мать-земля, отмечая возможность перехода слога «Де» в «Ге» и тем самым в имя богини земли Геи. Деметра добра к людям, прекрасна ликом, у нее волосы цвета спелой пшеницы. К этой богине древние греки взывали, чтобы удалась пахота и зерна вышли полновесными. Один из мифов рассказывает, что Деметра сочеталась в священном браке на трижды вспаханном поле с критским богом земледелия Иасионом. Непременная троичность ритуального акта невольно напоминает о троецыплатнице, – но не будем пока торопиться. В этой «истории» более интересно другое: в супруге Деметры нельзя не узнать божество плодородия из восточнославянской мифологии – Усенья. Он – ритуальный персонаж, связанный с началом весеннего солнечного цикла и возрастанием производительных сил природы. Имя этого бога присутствует в разного рода обрядовых, в том числе колядных, песнях. Приведем одну из них:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.